

— Ты выглядишь немного расстроенным. Думаешь о Лань Цин?

Чу Тянью посмотрел на него и увидел лицо, выражающее заботу. Его мысли мгновенно спутались.

— Я ни о чём не думаю, — Чу Тянью не хотел вспоминать, о чём он только что размышлял. Кто знает, куда завела его фантазия.

К тому же, что он думал? Какое это имеет отношение к Мо Чанфэну, и зачем ему об этом рассказывать.

— Не хочешь говорить? Ничего страшного. Мы только познакомились, и пока не можем делиться всем, — Цзи Уя мягко улыбнулся, не показывая обиды, словно угадывая её мысли.

— Только что поели, может, прогуляемся? Вечерний ветерок приятен, а бегонии Серебряной Луны под лунным светом прекрасны, — предложил Цзи Уя, улыбаясь. Прогулка с девушкой и любование цветами должны были укрепить отношения.

Чу Тянью хотел отказаться. Он и Мо Чанфэн были незнакомы, зачем им вместе любоваться луной?

Если на улице они встретят слуг семьи Мо, ему снова придётся играть роль нежной новобрачной? Лучше отказаться.

— Не пойду, — холодно ответил Чу Тянью.

Ответ был ожидаемым, и Цзи Уя не расстроился. Его спутник уже не раз проявлял холодность.

Когда они оставались вдвоём, они едва разговаривали, не говоря уже о чём-то большем.

«Лучше бы я упал в обморок, — подумал он. — По крайней мере, тогда жена не оставила бы меня без помощи, и это можно было бы назвать объятиями. Хотя это было бы на руку мне в обмороке».

Цзи Уя обдумывал план, как симулировать обморок, и насколько это было возможно, но на его лице была лишь мягкая улыбка. Он знал, как сделать так, чтобы от него нельзя было отказаться.

Даже если перед ним была бы глыба льда, он смог бы её растопить.

— Почему?

— Чтобы ты снова не упал в обморок, — Чу Тянью говорил совершенно серьёзно.

Улыбка на лице Цзи Уя чуть не исчезла. Он мог понять, были ли эти слова искренними или просто отговоркой, и то, что они были искренними, его расстроило.

Он думал, как Яогуан откажет ему, но никак не ожидал такого ответа. Как она могла подумать, что он не сможет пройти даже несколько шагов?

— Ты сегодня днём сделал лишь один круг с мечом, — как бы подтверждая свои слова, Чу Тянью добавил.

Даже семилетний ребёнок из Секты Меча Небесного Дао не упал бы в обморок после одного круга с мечом.

— Я тебя обидел. Тогда я пойду один... — Цзи Уя глубоко вздохнул, на его лице появилась грусть, и он решил, что нужно серьёзно заняться тренировками этого тела.

Он не мог позволить, чтобы Яогуан продолжала его презирать. Такие случаи, как обморок после одного круга с мечом, больше не должны повторяться.

Для мужчины это было просто позором. Цзи Уя встал и вышел из комнаты, чтобы успокоиться.

Чу Тянью смотрел на его удаляющуюся спину, чувствуя, что, возможно, его слова были слишком обидными. Он хотел остановить его, но колебался.

За это мгновение Мо Чанфэн исчез из виду.

Чу Тянью с лёгкой головной болью потер виски. Вчерашний шок от того, что он оказался в свадебном паланкине, и осознание, что ему предстоит заключить брачный договор с женщиной, не сравнились с тем, как его поразила слабость Мо Чанфэна.

— Лучше бы я не говорил, — Чу Тянью смотрел на свечу на столе, вспоминая выражение лица Мо Чанфэна, и чувствовал лёгкое сожаление.

Он впервые узнал, что мужчины могут быть такими чувствительными и непредсказуемыми. Или, может, это потому, что он считал его своей спутницей?

Он не забыл, что Мо Чанфэн думал, что он женщина, и «смирился» с тем, что он его спутница. Чу Тянью нахмурился.

Он не знал, как вести себя с супругом, даже если бы хотел. Мо Чанфэн не соответствовал его

представлениям о спутнике ни в чём.

— Подождём, — Чу Тянью слегка нахмурился, думая, что через месяц, когда он уйдёт, Мо Чанфэн перестанет питать такие надежды.

Он вспомнил, как его учитель сказал, что он слишком одинок в своей практике, и предложил найти ему спутника.

Он даже спросил, какие у него требования.

Недавно, на день рождения учителя, тот снова заговорил об этом, поэтому Чу Тянью ещё помнил свои требования к «идеальному спутнику».

Во-первых, уровень мастерства и возраст должны быть схожими.

Во-вторых, интересы и взгляды должны совпадать.

Учитель добавил третье: чистое происхождение, приятная внешность и мягкий характер.

Среди культиваторов женщин было мало, а сильных культиваторов-женщин и того меньше. К тому же он хотел, чтобы они понимали друг друга с полуслова.

С такими требованиями за последние пятьсот лет учитель так и не нашёл ему подходящего спутника.

Были и подходящие, несколько веков назад, когда его уровень мастерства был не так высок. Но почти все женщины считали его слишком зацикленным на практике.

В итоге всё закончилось ничем.

На крыльце зала Цзи Уя сидел, опираясь на колонну. На небе висела луна, окружённая множеством звезд.

Во дворе бегония Серебряной Луны впитывала лунный свет, её цветы, освещённые луной, становились серебристыми, озаряя весь двор.

Он протянул руку, направляя духовную энергию.

Один цветок бегонии упал ему на ладонь. Цзи Уя, подперев подбородок, вздохнул. Неужели его привлекательность уменьшилась? Почему нет никакого прогресса?

Цзи Уя был уверен в своей привлекательности. В Высшем Сокровенном Мире у него было множество поклонников, хотя он ни на кого из них не обращал внимания.

— Молодой господин, пора пить лекарство, — раздался голос Пин Аня, сопровождаемый шагами.

— А, это ты, Пин Ань, — Цзи Уя выпрямился, взглянул на него и взял нефритовую чашу с тёмно-коричневым отваром.

— Молодой господин, почему вы сидите один во дворе? Вам нельзя находиться на сквозняке, ночью ещё прохладно, — с беспокойством сказал Пин Ань.

— Ничего, я просто посижу немного. В комнате душно.

В комнате не было душно, но сидеть лицом к лицу и молчать было слишком утомительно.

— Сегодняшний обморок, знают ли о нём в доме? — опустошив чашу, он вернул её Пин Аню.

— Сегодня приходил Лекарь Чэнь.

Лекарь Чэнь? Тот самый врач-культуратор на этапе золотого ядра, который лечил Мо Чанфэна. Если он приходил, то Мо Сяюнь уже знал о сегодняшнем обмороке.

Город Юньцзян находился в провинции Фэнлин, одной из двенадцати провинций Низшего Бессмертного Мира. Это отдалённый регион, где культураторы на этапе золотого ядра считались выдающимися, а на этапе изначального младенца могли ходить с гордо поднятой головой.

Культуратор на этапе золотого ядра в Юньцзяне был объектом лести. Никто не мог быть уверен, что никогда не получит травму.

Из воспоминаний Мо Чанфэна, он с уважением относился к Лекарю Чэню, но и дружил с ним.

— Что сказал Лекарь Чэнь на этот раз?

Обычный культуратор на этапе золотого ядра не смог бы заметить, что его душа изменилась. Захват чужой души легко обнаружить, но захват собственной — нет.

— Лекарь Чэнь сказал, что ваше здоровье значительно улучшилось. Теперь вам нужно лишь принимать укрепляющие лекарства и серьёзно заниматься практикой, чтобы стать как обычный человек.

— Он также сказал, что это благодаря молодой госпоже... — Пин Ань был предельно откровенен, выложив всё, что произошло днём.

Цзи Уя слушал с улыбкой, в душе считая этого культиватора на этапе золотого ядра крайне ненадёжным. Если бы не то, что Мо Чанфэн лечился у него так долго, он бы заподозрил его в шарлатанстве.

У культиваторов, заключивших договор спутников Дао, действительно могло происходить то, о чём говорил Лекарь Чэнь, но на самом деле он и Яогуан не могли обмениваться мыслями.

Если бы их души были связаны, все их секреты стали бы явными. Цзи Уя не хотел раскрывать свою личность и предполагал, что Яогуан тоже не хотела бы этого.

А парная культивация... В их случае, когда даже держаться за руки было сложно, об этом можно было забыть, пока они не полюбят друг друга.

Отправив Пин Аня, Цзи Уя вернулся в комнату.

Переступив порог, он увидел, что Яогуан всё ещё сидит за столом. С улыбкой он наклонился вперёд.

— Яогуан, угадай, что у меня в руке, — Цзи Уя протянул сжатый кулак.

Чу Тянью посмотрел на его улыбающееся лицо, затем на руку и без всякого интереса спросил:

— Что?

<http://bllate.org/book/15414/1363168>